

ЛЮДИ ПРИЗЕМЕЛЯ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

Владимир Михайлов
Особая необходимость

«Автор»

1962

Михайлов В. Д.

Особая необходимость / В. Д. Михайлов — «Автор», 1962

Признанный мастер отечественной фантастики... Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» – и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, – и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад... Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове. Не верите? Прочитайте – и убедитесь сами!

© Михайлов В. Д., 1962

© Автор, 1962

Содержание

1	5
2	13
3	17
4	20
5	24
6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Михайлов

Особая необходимость

1

– Это у нас рассказывали, бывало, по вечерам, – начал Сенцов.

– Да, по вечерам... – со вздохом отозвался Раин.

Вечера были далеко.

Вечера остались там же, где и тень деревьев, прозрачные, бегущие по круглым камешкам ручьи, белые облака и веселые огни городов.

На расстоянии в семьдесят с лишним миллионов километров осталось и многое другое. Все то, что называлось необъятным словом – Земля.

Родная планета должна была, верно, показаться отсюда совсем ничтожной: она давно уже превратилась в звездочку, неотличимую от других. Но наперекор расстоянию, или благодаря ему, – для космонавтов Земля становилась гораздо больше, ближе, – родная до невозможности.

– Так вот, – продолжал Сенцов, сдерживая улыбку и внимательно оглядывая всех прищуренными глазами. – Баранцева вы все, конечно, помните – ну, заведующего сектором астронавигации Института. В плане подготовки намечалось вывести в полет на околоземную орбиту и всех преподавателей – чтобы получше разбирались в психике курсантов. (На лицах космонавтов мелькнули улыбки.) И вот приходит очередь Баранцева...

Сенцов остановился на полуслове.

Звук мягкий и печальный зародился где-то под потолком. Постепенно он усиливался, приобретал остроту, холодной иглой колот уши. Мигнули голубые плафоны. Затем звук, словно устав, пошел на убыль и затих на низкой, чуть хрипловатой, ворчливо-жалобной ноте.

– Быть по местам! – скомандовал Сенцов, хотя все и так сидели на своих местах. – Через десять минут – поправка...

...От сильного толчка на мгновение закружилась голова, качнуло в креслах. На экране заднего обзора мелькнули и погасли длинные, безмолвные языки огня.

Сенцов, нагнувшись к укрепленному в центре пульта – прямо перед его креслом – микрофону, нажал клавишу, отдельно продиктовал.

– Двадцать – сорок две... Автоматически выполнен коррекционный поворот. Уточненный курс...

Лаймон Калве, оператор, со своего поста управления молектронным вычислителем уже протягивал командиру ленту. Сенцов, чуть наклонив голову, неторопливо назвал показания интеграторов – цифры трехмерных координат корабля в пространстве.

– Экипаж здоров, механизмы и приборы без нарушений, происшествий нет. Все.

Он выключил микрофон. Повернул свое кресло (среднее из пяти, помещавшихся в выгибе подковообразного пульта) так, чтобы лучше видеть товарищей.

Космонавты сидели молча – неподвижные, сумрачные. Казалось, привычная сирена вдруг отняла у них веселость и заставила забыть то, о чем начал было рассказывать Сенцов, и задуматься о чем-то своем – тайном, о чем не говорят вслух. Надо было улыбнуться, и Сенцов улыбнулся. Но глаза его смотрели серьезно и испытующе.

Высокий, широкоплечий Калве, новичок в космосе и человек явно «некосмических габаритов», как шутили товарищи, сидел, погрузившись в размышления, машинально поглаживая рукой редящие волосы. Он казался глыбой, позаимствовавшей спокойствие и невоз-

мутимость у своих счетно-решающих устройств, и вряд ли кто-нибудь, кроме командира, догадывался о той затянувшейся болезни – боязни пространства, которая все еще мучила Калве. Ничего, Лаймон не подведет.

Рядом с ним откинулся в кресле Раин. Глаза его были полузакрыты, и всем своим отрешенным видом он словно бы давал понять: меня занимает вовсе не предстоящее, а лишь некоторые особенности отражения от поверхности Марса, подмеченные при наблюдении именно отсюда, с относительно небольшого расстояния, из пространства, где нет атмосферных помех. И, собственно, какие могут быть основания сомневаться в моем спокойствии?

Маленький, худой – известный астроном и одновременно штурман или, как теперь говорили, астронавигатор экспедиции, Раин на первый взгляд казался слабым и каким-то чуждым этой тесной рубке, где техника, техника, техника окружала его со всех сторон. Но Сенцов не первый рейс уже провел с Раиным (правда, то были лунные рейсы, но это дела не меняло) и знал, что на ученого можно положиться во всем – кроме разве поднятия тяжестей. Ну на то здесь и невесомость...

Сенцов перевел взгляд на Азарова. Порыв и движение... Из него выйдет толк. Всего во втором рейсе – а ведет себя, как старый звездоплаватель. Правда, выдержки ему не хватает. И чувства юмора... иногда.

Азаров почувствовал внимательный взгляд, поднял глаза. Улыбнуться оказалось черт знает как трудно. Он беспокойно заерзал в кресле.

– Вот... И это называется – человек вышел в космос, – пробурчал он, не выдержав молчания. – А если рассудить – в космос вышли автоматы. Летят они, а мы их обслуживаем...

У Азарова была своя тема, к которой он без конца возвращался.

Сенцов пожал плечами, только иронически дрогнули уголки его губ. Калве неторопливо – чтобы не ошибиться в русской грамматике – тоже в который уже раз ответил:

– Движением корабля управляют быстрорешающие устройства. Они с этим справляются лучше нас... Люди выполняют свои задачи, машины – свои. Так мне кажется...

– А мне не кажется! – отрезал Азаров. Отстегнувшись, он встал и, шурша присосками башмаков – с ними можно было при известном навыке передвигаться по полу, – заходил по рубке, цепляясь плечом за стены.

– И вообще, бросьте вы носиться с вашими машинами. Вы-то, наверное, охотно бы жили в мире таких вот микромодульных интеллектов... Но мы пилоты и должны работать, вести корабль. А тут организовали какой-то санаторный режим. Но ведь, анализируя...

Калве насупился, собираясь обидеться. Последнее время все стали очень уж обидчивы – сказывались двести с лишним дней полета. Раин искоса взглянул на Сенцова и с готовностью вступил в разговор.

– Итак, анализируя? – спросил он саркастически. – А скажите...

Сенцов не вслушивался в очередной спор о том, кто старше: космическое яйцо или космическая курица – спор слишком шумный, чтобы быть искренним. Главное было ясно: ребята в порядке. Вернув кресло в нормальное положение, он стал смотреть на зеленоватый круглый экранчик локатора, по которому волнисто струилась светлая линия.

Спорим. Ну, пусть спорим. Нервы напряжены. Не хватает ощущения скорости, которое всегда поднимает дух; корабль, кажется, просто висит в пространстве. Покой этот обманчив, и напряжение от него только возрастает: вокруг космос, еще неизвестный, неисследованный. Кто знает, что еще таит он в своем черном мешке. Вот и спорим. И спорить будем о чем угодно, только не о главном.

Или сейчас посмеемся – так же старательно. Что ни говори, а сидение в рубке или в тесных постах наблюдения за восемь месяцев всем осточертело. Нестерпимо хочется иногда выйти, увидеть что-нибудь не столь надоевшее, как стены рубки или спальной каюты.

Сейчас полет входит в решающую фазу: предстоит обогнуть Марс на расстоянии тридцати тысяч километров. Поэтому так внимательно и вглядывался Сенцов в лица товарищей.

Их ракета – не первый корабль, ушедший с Земли к Марсу. Несколько раз посылали туда автоматические ракеты. Путь их удавалось проследить до тех пор, пока они не входили в теневой конус Марса. Затем передачи информации прерывались. Даже самые мощные радиотелескопы не могли уловить никаких сигналов. И ни одна ракета не вернулась на Землю...

Вот о чем больше не спорили: что произошло с теми ракетами? Ну что, в конце концов, вообще могло произойти? Метеорный поток большой плотности? Но на ракетах была защита... Встреча с какими-то астероидами, своим притяжением сбивавшими ракеты с курса? Но астрономы таких случаев не наблюдали... Недосток топлива? По расчетам, его должно было хватить...

Поэтому давно уже было решено: облетим – увидим. Затем и летели люди, чтобы увидеть. Увидеть и вернуться. Для этого метеорную защиту корабля усилили, группы аккумуляторов – тоже. Ракете был придан космический разведчик. Имелись запасные элементы для вычислителей и солнечных батарей. В нужный момент космонавты могли взять управление в свои руки и привести корабль обратно к Земле. Все это делало его практически неуязвимым при любой случайности – неуязвимым, насколько это вообще возможно в космосе.

Но неизвестная, и от этого еще более пугающая опасность, наверное, все же подстерегала их впереди. И Сенцов безошибочно знал, что это о ней думал Калве, приглаживая волосы, ее пытался увидеть Раин, прижмуривая глаза, и на нее злился Азаров, когда клял автоматы.

...А автоматы пока отлично справлялись, и хотя все три пилота несли восьмичасовую вахту – один из них неотлучно находился у пульта, – людям оставалось лишь с выражением полной независимости поглядывать на закрытые множеством предохранителей и опломбированные рычаги...

Так поглядывать – было занятием не из самых приятных, и подчас у Сенцова начинало сосать под ложечкой от желания сорвать пломбы и своими руками блистательно посадить корабль на Марс. Но он успокоил себя и сейчас. Глаза его привычно следили за стрелками, и где-то в подсознании велся отсчет минут. До начала выхода на круговую орбиту вокруг Марса оставалось тридцать две минуты. Расстояния в миллионы километров – и точность до минуты – вот космос. Итак...

В рубке уже шла мирная беседа о театрах. Кажется, о рижском балете, а может быть – о московском. И Сенцов мысленно похвалил ребят за спокойствие. Потом он откашлялся, и беседа сразу оборвалась. Все смотрели на него.

– Ну... – сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало как можно спокойнее и бодрее.

Все поняли: пора. Калве и Раин отстегнулись от кресел. Азаров тряхнул головой – волосы взвились и встали дыбом. Чуть оттолкнувшись от пульта, Азаров поплыл по воздуху. Отворив дверь, нырнул в коридор, изогнувшись как-то по-особому: каждый раз он, ради развлечения, изобретал новый способ выбираться из рубки. Калве передвигал свое массивное тело неторопливо, придерживаясь рукой за пульт; он любил чувствовать почву под ногами. Раин вышел стремительным шагом, словно и не было никакой невесомости – на прощание махнул рукой, улыбнулся. Дверь за ним громко вздохнула герметизирующей окантовкой. Он отправился к телемагнитографу – так назывался новый бортовой телескоп, включавшийся, как только Марс оказывался в поле его зрения, и записывавший изображение на магнитную ленту.

Из каюты в рубку, словно на смену ушедшим – чтобы не воцарялась здесь тревожная тишина, – вошел отдохнувший Коробов, второй пилот. В рубке запахло одеколоном, Сенцов потянул носом воздух, замахал ладонью у лица. Коробов опустил в кресло рядом с Сенцовым. Заметив его жест – улыбнулся.

– Подготовился – полный парад! – сказал он весело, как бы показывая своим тоном, что ни слов его, ни возможной опасности принимать всерьез не следует.

Оба склонились к микрофону бортового журнала. Коробов принял вахту. Теперь Сенцов мог некоторое время отдыхать, ни о чем не думая, – пока предупреждающий сигнал не возвестит о начале маневра. Хотя как это сделать – ни о чем не думать, он так никогда и не мог понять.

Сенцов по очереди повернул регуляторы, усилил яркость бортовых экранов. Они замерцали неживым, призрачным блеском. Проступила звездная россыпь, и даже словно бы потянуло пронзительным холодом пустоты. Коробов зябко повел плечами.

Сенцов едва нашел теряющуюся в солнечных лучах Землю и долго смотрел, не отрываясь. Оттуда человек неудержимо стремился в космос. Он и вышел в космос и, конечно, все дальше будет удаляться от дома – так ребенок сначала едва решается обойти двор, а потом все смелее и смелее движется к темнеющему далеко за околицей лесу, – но только все равно без Земли человеку не прожить. Не прожить без Земли, какую бы ни устраивать оранжерею на борту... Здесь вот тоже один умник хотел расписать потолок разными пейзажами – только нагонять тоску... Хорошо, что не дали – покрасили в легкий серебристый цвет.

А ведь летят они не так уж и долго, осваивают, так сказать, пригородный маршрут. Что же станут говорить люди, которым выпадет счастье участвовать в рейсах дальнего следования? В том, что эти рейсы будут, Сенцов не сомневался, иначе их пребывание здесь теряло бы всякий смысл. Но все же противоречие между продолжительностью полетов и основой психики человека – тягой к Земле – оставалось, и разрешения его Сенцов не видел. А он не любил продвигаться вперед, оставляя за спиной нерешенные задачи...

Он покосился на Коробова, нащупал выключатель курсового экрана, нажал.

Рубку залило красноватым светом. Острые тени легли на стену, заиграли на циферблатах. Легкое головокружение на миг задело пилотов.

Марс висел перед ними широченным медным серпом. Легкая дымка смягчала его очертания. Извечная загадка, красное яблоко раздора... До сих пор спорили, есть ли на планете что-нибудь, кроме песка и скудной растительности, а может – даже и ее нет, являются ли спутники Марса искусственными, была ли здесь когда-нибудь высокоорганизованная жизнь...

Ответ на все вопросы был рядом, рукой подать: всего в тридцати тысячах километров от ракеты светилась Аэрия, виднелись Большой Сырт, загадочный Лаокоонов узел... Было от чего закружиться голове.

Коробов смотрел, уткнув подбородок в грудь, тихонько посапывая. Сенцов, сам того не замечая, чуть улыбнулся.

А Марс заливает полнебосклона.

Идет тишина, свистя и рыча... —

медленно прочитал он.

– Тишина... – задумчиво повторил Коробов. – Это недобрая тишина...

– Это написано не о тишине. О победе...

– Я где-то слышал... Недавно написано?

– Нет, давно... Я бы взял его с собой к победе. У него было чувство полета...

Вот так выглядит победа – красным полумесяцем на экране. Без увеличения, с расстояния в тридцать тысяч километров. Добрались все-таки. А дальше?

И вечность космическою бессонницей

У губ, у глаз его сходит на нет,

И медленно проплывают солнца —

Чужие солнца чужих планет...

Так вот она – мера людской тревоги.
И одиночества, и тоски.
Сквозь вечность кинутые дороги,
Сквозь время брошенные мостки.¹

Сенцов умолк. Сквозь время брошенные мостки...

Нет, все же лететь годами – это трудно. Трудно... А что будет, когда речь пойдет о межзвездных расстояниях? Как тогда? Смена поколений? Но кто решится дать жизнь детям, которые никогда не увидят Землю? Кем станет – ну хотя бы третье поколение таких людей?

В кресле рядом заворочался Коробов. Вздохнув, он негромко сказал:

– Обидно все-таки... Летим чуть не год, а лет через пятьдесят – сто люди будут сюда добираться за день. Очень просто. Ну – за три дня... Мы с тобой – знаешь кто? Из каменного века... Мы сейчас в дубовом челноке плывем, даже не в челноке, а на раме, обтянутой шкурами. А будут когда-нибудь океанские атомоходы на газовой подушке. Это – обидно... Притом пращуров наши, в дубовых челноках – они не знали о будущих океанских кораблях. Даже и не задумывались, вероятно. А мы-то в общем знаем, что после нас будет. Для этого и работаем: ведь наша работа не столько даже для нашего поколения, сколько для будущих. Ты скажешь – так работают многие ученые. Но ведь истины, открытые ими, остаются надолго. А о нас потом что скажут? Поймут ли они нас, потомки? Не усмехнутся ли: «Летали тут когда-то на тихоходах... только засоряли пространство!» Удастся ли нам сделать такое, чтобы и правнуки сказали: нет, не зря старики жгли топливо!

Коробов настороженно покосился на Сенцова, ожидая всегдашней усмешки: все знали, что Сенцов – человек трезвой логики... А Коробову хотелось еще поговорить о том, как страстно любит он свою профессию и хочет, чтобы не было в ней никаких неясностей...

«Милый ты мой дружище, – захотелось ответить Сенцову. – Ты опасаясь, ты размышляешь, да и все мы размышляем, и где-то, верно, кажется нам, что мы поторопились родиться, не дотянем до трансгалактических лайнеров, даже пассажирами не пройдем на них. Но ведь без нас не будет этих лайнеров, не будет маршрутов Земля – Эвридика какая-нибудь, неведомая сегодня, в созвездии Лиры. Ведь каждый путь начинается с сантиметров и лишь потом вымахивает на тысячи и миллионы миль, и если мы не привыкли преувеличивать степень своего подвига, а привыкли делить славу с академиками и рабочими, сделавшими и этот вот отличный корабль, то и преуменьшать и скромничать перед будущим нам не к лицу. И появившись сейчас здесь бородатый, с узлами мускулов предок, выдолбивший дуб, – он был бы нам товарищ, хотя и не сумел бы определиться в пространстве или пустить двигатель. Цепь рассыплется без любого звена, и мы – одно из них, не первое и не последнее. Так что...»

Это и многое другое хотел сказать Сенцов. Но, откровенно говоря, таких речей он стеснялся, потому что оратором себя считал плохим (да, наверное, так оно и было в самом деле). К тому же не оставалось времени. Почему-то желание такого вот душевного разговора всегда приходит именно в те мгновения, когда надо к чему-то готовиться, что-то выполнять. Когда же времени вдоволь, говорится о вещах самых будничных. Лишь в ответственные минуты поднимается то, что таится в глубине души.

И Сенцов промолчал, впившись взглядом в стрелку хронометра, и ему вдруг показалось, что стрелка неуклонно бежит навстречу неведомой опасности.

– Может быть, пустим разведчика? – словно ощутив его тревогу, спросил Коробов.

– Да рано, пожалуй... Топлива у него мало, назад вернуться не сможет. Потеряем, а вдруг он по-настоящему понадобится... Выпустим только при явной опасности.

¹ Из стихотворения Павла Когана «Ракета» (1939 г.), помещенного в посмертной книге стихов поэта «Гроза» (М., «Советский писатель», 1960).

На голубоватой поверхности экрана серп планеты становился все уже и уже, таял на глазах, как догорающий во мраке огонек. Сенцов перевел взгляд на нижний правобортовой экран – там сквозь фильтры сияло темно-багровое солнце... И вдруг оно погасло – сразу, будто кто-то резко выключил его. Одновременно погас и красный уголек.

На нескольких шкалах стрелки резко качнулись влево и застыли, под серыми кожухами распределителей звонко защелкало – это отключались солнечные батареи, подсоединялись резервные группы аккумуляторов. На панели дальней связи погас зеленый огонек.

Ракета вошла в теневой конус Марса, и для космонавтов наступило солнечное затмение. Начался полет над неосвещенной стороной планеты... Коробов вздохнул. Сенцов сказал:

– Пять минут осталось. Усиль-ка освещение...

Коробов протянул руку к переключателю. Повернул. И сразу, словно именно их он по ошибке включил, пронзительным, прерывистым ревом брызнули сирены радиометров, измерявших количество заряженных частиц в пространстве. Оба пилота, вздрогнув, подняли головы – и приборы смолкли, но смолкли только на миг, чтобы снова завывать на еще более высокой ноте. Зловеще вспыхнули красные лампы, и в окошечках дозиметров сначала медленно, потом все быстрее двинулись, заскользили цифровые колесики.

Сенцов мгновенно – быстрее даже, чем подумал: «Вот оно – то самое!» – понял, что ракета внезапно влетела в мощный поток проникающего излучения. Летящие с околосветовой скоростью частицы, вонзаясь в металл оболочки, порождали опасный рентгеновский ливень.

Командир бросил взгляд на приборы. Излучение проникало и в кабину сквозь защитный слой.

Это было опаснее метеоритов, встреч с которыми, по традиции, больше всего боялись космонавты.

– Ну что же они там? – крикнул Сенцов и резко метнулся вперед, натягивая до предела ремни.

Но автоматы уже сработали. На курсовом экране сверкнула яркая вспышка. Это рванулась во тьму автоматическая ракетка – космический разведчик. Повинуясь радиосигналам управляющих ею автоматов, она начала описывать вокруг корабля все более широкие круги, непрерывно посылая счетно-решающему устройству сведения об интенсивности потока частиц.

Нестерпимо тянулись страшные секунды... Корабль стремглав мчался, может быть, в самый центр потока, способного за тридцать – сорок минут создать в ракете такой уровень радиации, от которого не спасут никакие скафандры... Гибель надвигалась с давящей неотвратимостью, как в кошмарных снах, что насылают космос: когда небывалая перегрузка сковывает руки и ноги и нельзя пошевелить даже пальцем, чтобы уйти от неведомой, но страшной опасности.

Наконец корабль трянуло. На ходовом экране мелькнули огненные струи выхлопов. Оба почувствовали, как их прижало к ремням: ракета тормозилась... Автоматы вновь и вновь включали тормозные двигатели, перекладывали газовые рули, стрелка счетчика ускорения катилась вправо, а унылый, похоронный вой радиометров все не умолкал. В багровом дрожащем свете лица космонавтов казались залитыми кровью.

Сенцов сжал зубы, громадным усилием воли заставил себя сунуть руки в карманы комбинезона – так трудно оказалось побороть искушение сорвать пломбы с предохранителей и взять управление самому. Сердце властно требовало – действовать, работать, вдохнуть в механизмы корабля свое желание жить... Руки рвались из карманов, и уж, конечно, не уважение к параграфу инструкции удерживало их там, а вера в то, что не может подвести автоматика.

То же самое, очевидно, переживал и Коробов. Он сцепил пальцы так, что они побелели, челюсти его двигались, словно что-то перемалывавая. Но разведчик наконец подал сигнал. Ракета резко свернула и пошла на сближение с Марсом.

Сигналы тревоги стали ослабевать. Багровый свет померк. Сенцов вытер пот со лба, Коробов опустил противно задрожавшие руки.

– Вот это встреча была... – сказал он невнятно. – Откуда же?..

Сенцов пожал плечами. Бесплезно было гадать: из каких глубин Вселенной примчался поток космических частиц, откуда вытекала и куда впадала эта невидимая и грозная река, в стремительном течении которой они чуть не захлебнулись вместе с кораблем. Невозможно было предугадать ее заранее, как весной в лесу под снегом не подозреваешь ручья, пока не провалишься в него и не зачерпнешь ледяной воды... Да и думать об этом сейчас не было времени.

Оба глядели на курсовой экран. Другие группы автоматов, которым не было дела ни до каких космических лучей на свете, аккуратно переключили экраны обзора на прием в инфракрасных лучах. Марс стал значительно больше: корабль заметно приблизился к планете. Но решающее устройство почему-то не дало рулевым автоматам команды вывести корабль на прежнюю орбиту; возможно, в конце концов оно отказало из-за этой сумасшедшей вибрации. А это прежде всего означало, что курс надо выправлять самим.

– Ну, – сказал Сенцов, – вот и дождались. Вот тебе и Особая Необходимость, при которой, как гласят Правила, экипаж имеет право перейти на ручное управление. Собери-ка всех...

Коробов нажал кнопку общего сбора. Несколько секунд оба сидели молча. Первым, придерживаясь за стену, вошел Калве. Он казался спокойным, как всегда, только пальцы теребили застежку комбинезона. Узнав, в чем дело, он пожал плечами, сел в свое кресло, пристегнулся, стал нажимать контрольные клавиши. Под пластиковой облицовкой оптимистически гудело, звякало, на панелях успокоительно зажигались многочисленные цветные огоньки.

– Все в порядке, – сказал Калве не оборачиваясь.

Он выслушал задание – рассчитать поворот и, согнувшись, заиграл на клавиатуре что-то быстрое, как чардаш Монти. Левая рука его подхватывала ползущие из блока интеграторов ленты с данными о скорости, запасах горючего, напряжении гравитации, расстоянии от планеты... Затем он надел наушники справочника – и в уши полезли цифры поправок и коэффициентов.

Встревоженные Азаров и Раин вошли одновременно – их посты находились дальше всего от рубки. Азаров потирал багровую шишку на лбу: ясно, во время наблюдений не пристегнулся к креслу... Теперь все четверо, быстро поворачивая головы, смотрели то на экран, то на мелькавшие руки Калве.

Им показалось, будто прошло очень много времени, прежде чем машина звонком сообщила, что работа окончена. Калве пробежал глазами ленту и передал Раину. Астронавигатор прочел, выпятил губы. Подумал.

– Орбита нестабильна, – сказал он. – При торможении потеряна скорость...

В переводе на общечеловеческий язык это означало: ракета при торможении потеряла ход настолько, что скорость стала меньше круговой, и теперь, правда медленно, по пологой спирали, но корабль все же падает на Марс.

Это никого особенно не смутило. В их власти включить двигатели и снова развить нужную скорость. Вычислением этого маневра и занимался сейчас Калве. Он снова пустил машину.

Вскоре прозвенел звонок. Калве нажал клавишу – машина, стрекоча, выбросила из печатающего устройства короткий кусок ленты. Калве ждал, но индикаторы разом погасли: аппарат выключился.

Калве поднял брови, нерешительно потянул ленту к себе. Прочел ее. Брови поднялись еще выше. Прочел еще раз и – повернулся к товарищам – на лице его, казалось, остались только глаза.

– Так есть... По данным расчета, – сказал он медленно, – в этих обстоятельствах нам... как это? Нам нет возможности выйти на заданную орбиту при условии сохранения посадочного запаса горючего... Перерасход топлива из баков последней ступени. Так здесь сказано... Мы остаемся – вернее, падаем на Марс.

2

Тяжелое молчание стояло в рубке; привычное гудение приборов стало угрожающе громким.

Калве сидел, уронив руки; из-за невесомости они нелепо торчали в воздухе. Остальные – кто сидел, кто стоял, откинувшись немислимим образом, ухватившись за что попало. Обрывок бумажной ленты, подгоняемый слабым ветерком от скрытых в стенах вентиляторов, медленно кружился под потолком, пока не прилип накрепко к решетке регенератора. Тогда Сенцов, внимательно – словно это и было самое главное сейчас, – следивший за его полетом, сказал:

– А почему беспорядок? Всем быть по местам...

...Тогда, в первую минуту, никто не поверил случившемуся, хотя у каждого дрогнуло сердце. Сенцов даже начал было с досадой: – Ну, дорогой товарищ, и загнул же ты...

Калве, пожав плечами, ответил:

– Так есть.

И Сенцова убедили даже не слова его, а слишком спокойный тон. Тогда все замолчали надолго...

Теперь космонавты расселись по креслам, и Сенцов сказал:

– Ну, погоревали – хватит.

– Собственно говоря, – начал Калве, – я не совсем понимаю... Вычислитель, конечно, лучше знает... Но какое значение имеет то, где именно горючее – в последней или в основной ступени? Почему мы не можем включить двигатели?

Сенцов насторожился: Калве все отлично знал, и если сейчас это вылетело у него из головы – значит, крепко он волнуется.

Коробов спокойно ответил:

– Как ты знаешь, ракета наша сейчас состоит из двух ступеней. В основной, задней ступени – лишь топливо и ходовой двигатель. А тормозиться мы можем только при помощи двигателей, сопла которых обращены вперед. Они находятся в этой вот, последней ступени ракеты, где мы сидим.

– Ну и что? – спросил Калве.

– А то, что расход топлива последней ступени на этом участке полета не был предусмотрен. А мы его израсходовали, и общий запас стал меньше расчетного.

– Позвольте, позвольте, – сказал Раин. – Но ведь можно же там сориентировать корабль так, чтобы тормозиться основной ступенью?

«Там» – означало: там, около дома... Домом сейчас была не только Земля, но и лунная база.

– Нет, – сказал Коробов. – Горючее основной ступени почти все израсходовано. После облета Марса и завершения программы наблюдений придется ударить двигателями, чтобы лечь на обратный полувиток – к Земле. Затем должна быть еще одна коррекция, потом вторая – и основную ступень придется отбросить. Да вы что – разыгрываете меня, что ли?

– Нет, я вспомнил, – сказал Калве. – Вычислитель не сработал именно потому, что запас топлива – ниже нормы. Он не блокировал двигатели, пока ракете угрожала смертельная опасность, но теперь... О, это очень совершенное устройство.

– Да, – сказал Азаров, – однако теперь решать должно уже не устройство, а мы. Хотя мы от этого и отвыкли, кажется...

– Вздор! – прервал его Сенцов. – Но решать надо быстро.

– Объявлен конкурс на лучшее рационализаторское предложение, – громко объявил Коробов. – Премия – экскурсия по маршруту Марс – Земля...

Никто не поддержал шутки. Сенцов повторил.

– Решать надо быстро и основательно. Слишком дорого стоит стране наш полет...

Но так вот, на скорую руку, ничего в голову не приходило, кроме мыслей самых фантастических. Наконец Раин сказал:

– Ну, таким образом мы далеко не уедем... не дальше Марса. Слово за Калве. Пусть посоветуется с вычислителем...

Калве с сомнением покачал головой, но глаза его заблестели. Он подошел к программному устройству; несколько секунд, размышляя, ласково поглаживал его матовый кожух...

Машина не отвечала долго – за фасадом вычислителя, судя по сумасшедшей пляске огоньков, шла напряженная работа. Наконец Калве получил ответ, просмотрел его и протянул Сенцову.

Тот минут пять изучал ленту. Все напряженно следили за его лицом, почти физически ощущая, как корабль проваливается все ниже к поверхности Марса. Но вот Сенцов поднял глаза.

– Ну вот так-то... не мудрствуя лукаво. Выход вполне разумный. Поскольку количество топлива, нужное нам, зависит от массы корабля, и дозаправиться мы не можем, значит, остается только одно, что машина и предлагает: уменьшить массу...

Пилоты переглянулись; решение, продиктованное электронной логикой, показалось им абсурдным. В первую секунду оно выглядело таким же нелепым, как если бы кто-нибудь предложил бегуну расстаться с рукой, или с желудком, или с печенью, для того чтобы увеличить скорость... Это объяснялось просто: каждый из них воспринимал корабль как живой организм, у которого нельзя отнять какую-то, пусть даже самую малую часть без того, чтобы не нарушить точной и согласованной работы всех органов.

Но аналогия была лишь внешней, корабль был всего лишь комплексом деталей – важных и менее необходимых, и машина, как известно, чувствовать не умеющая, просто напомнила об этом.

– Что ж, – сказал Коробов, – это выход. Надо только разобраться – без чего мы можем обойтись. Что сбросить. Этого машина не скажет...

– Нет, конечно, – согласился Калве. – На это она не рассчитана.

– И как это осуществить технически, – добавил Азаров. – Тут надо выходить в Пространство...

Стали подсчитывать. Только Раин не участвовал в работе – он надел наушники справочника и что-то вычислял на листке бумаги, изредка поглядывая на хронометр.

Утешительного было мало. Если даже пожертвовать аккумуляторным резервом (восемьсот килограммов), резервом воды (полторы тонны), кое-какими приборами (об этом говорилось вполголоса, чтобы не услышал Раин), то получалось всего две с половиной тонны, а нужно было сбросить гораздо больше.

Пилоты пригорюнились. Раин продолжал что-то вычислять, поднимая изредка глаза к потолку.

Потом все три пилота разом взглянули друг на друга, одновременно открыли рты – будто хотели что-то сказать, и одновременно же закрыли. Тогда Сенцов, засмеявшись, сказал Азарову:

– Ну, Витя, давай ты...

– Основная ступень! – выпалил Азаров.

– Основная ступень! – подтвердил Коробов. – А топливо из ее баков – его осталось немного – перекачаем в баки последней ступени – именно туда, где у нас недостача.

– А как перекачать? – спросил Сенцов.

– Да очень просто! – торопливо объяснял Коробов только что возникшую идею. – Демонтируем один компрессор, расчалим тросами на оболочке ракеты...

Сенцов оглядел обоих, потом перевел взгляд на экран: пусть Марс и крепко вцепился в их маленький корабль, но что значит сила притяжения какого-нибудь там Марса по сравнению с силой воли таких вот людей... Вслух же сказал самым обычным голосом:

– Что ж, верно. Только есть одна опасность; если во время работы корабль снова подвергнется какой-нибудь атаке – ну, хотя бы метеорной – то, понимаете сами... Двигатели работают, а это – гибель для всякого, кто окажется вблизи. Мы ведь не можем отключить всю автоматику...

– Другого выхода нет, – сказал Азаров.

– Почему же нет? Есть... – спокойно, не оглянувшись ответил Раин. – Поскольку вы решили мои приборы не выкидывать – я вам, так и быть, помогу... (Все в должной мере оценили шутливо-благодушный тон астронавигатора: речь шла о жизни, и не в шутку, а всерьез.) – Мы сейчас приближаемся к орбите Деймоса – внешнего спутника Марса. Я тут подсчитал... Через час с небольшим – тут точные цифры – он нас нагонит. На Деймос можно сесть. Там можно работать спокойнее. А взлететь с него несложно...

Все оживились. Все-таки будет почва под ногами, демонтаж пойдет гораздо быстрее.

– Крепить все! – скомандовал Сенцов. – Готовиться к посадке!

Работы по подготовке заняли более получаса – пришлось привести в посадочное положение большинство приборов, в особенности астрономических. Закончив, космонавты снова собрались в рубке, заняли места по взлетно-посадочному расписанию.

– Наконец-то, – Сенцов улыбнулся, – посмотрим, что же это за спутник Марса... Ну, вот и все. Прощу курс.

Раин и Калве вновь надели наушники, Калве включил вычислитель. Сенцов, секунду помедлив, сорвал пломбы с рычагов автономного управления, отвел предохранители, кивнул Коробову:

– Давай акт!

Нагнувшись над микрофоном, Коробов стал отдельно диктовать: «Сего числа... ввиду особой необходимости... значительное отклонение от курса...» Не спускавший глаз с хронометра Раин сказал:

– Еще шестнадцать минут точно.

Сенцов, повернув кресло, проверил – хорошо ли все пристегнулись. Он с удовольствием ощутил появление «стартового состояния»: учащенно билось сердце, сознание стало предельно ясным, каждое движение было рассчитано заранее.

Он повернулся к пультам, и тогда Раин кивнул ему: «Пора!»

– Внимание! – громко сказал Сенцов.

Предостерегающе завывли сирены локаторов – где-то сзади нащупали они невидимую во тьме поверхность еще далекого, но догонявшего их Деймоса. Сенцов нажал рычаг – все кресла поднялись, обнажив блестящие стальные цилиндры противоперегрузочных устройств. Затем, мальчишески подмигнув самому себе, он уверенно положил руку на красную рукоятку пуска, плавно потянул... Корабль, вздрогнув, начал прибавлять ход.

Задуманный маневр был достаточно сложен. Предстояло выйти на орбиту Деймоса, оказаться впереди него и, сохраняя ход несколько меньший, чем орбитальная скорость спутника Марса, позволить ему догнать себя. Тем самым не было бы истрачено ни грамма топлива из баков тормозных двигателей.

Спутник неслышно скользил по своей орбите, изображение его на экранах все вырастало. Сенцов включил рули, и ракета изменила направление движения так плавно, что никто почти не почувствовал ускорения. Да, Сенцов был артист – это все знали. Калве уже рассчитал точку встречи. Маленькая планетка догоняла корабль...

Сенцов чуть увеличил ход, чтобы скорость сближения уменьшилась до предела. Цилиндры амортизаторов медленно двинулись. Тела заметно отяжелели. Чья-то парившая под потолком тетрадь бабочкой метнулась в сторону...

В нескольких километрах от Деймоса, когда скорости корабля и спутника почти сравнялись, Сенцов выключил двигатель. Откинулся на спинку кресла и, глядя в потолок, сказал:

– Ну вот. Теперь полчасика посидим и...

Потом, когда они пытались вспомнить, как это случилось, все признались, что подумалось им в эту минуту одно и то же: Деймосу надоело смотреть на бегущий перед ним корабль, и он решил взять его в руки и рассмотреть поближе. Впрочем, сомнительно, что именно так представлялись им события в тот момент, когда, словно притянутый могучим механизмом, корабль стремительно рванулся кормой вперед – к спутнику. Все вздрогнули в креслах. Сенцов неуловимо-быстрым движением снова включил двигатель. Но Деймос надвигался все ближе и ближе, и гораздо скорее, чем хотелось бы любому из них. На экране промелькнули какие-то блестящие вершины, странные призрачные уступы...

Тогда Сенцов, чисто инстинктивно, стремясь ускользнуть в сторону от орбиты спутника, тронул рули. Но темная громада была уже рядом.

Тряхнуло так, что взвизгнули амортизаторы. Скрежет, треск... Казалось, ракету волоком тащили по острым камням... Сенцов рывком выключил рули, и скрежет затих. Неожиданно погас экран заднего обзора. Ракета замерла на месте.

Сенцов медленно закреплял предохранители – слишком медленно, как казалось всем. На каждом из космонавтов посадка отозвалась тяжело. Наступила странная слабость, трудно было поднять руку, хотелось закрыть глаза и уснуть. Непонятная психическая реакция – каждому казалось, что он лежит на спине, а вовсе не сидит в кресле. На спине? А стена рубки, где дверь в коридор, – под ними? Бред... Но ведь когда-то они находились именно в таком положении! Когда же это было? Нет, не было... Надо вспомнить. Да, было, перед стартом, когда ракета стояла вертикально, и земное притяжение ясно указывало – где низ. Или это им кажется? Что же – пусть, спать все равно удобнее на спине. Значит – будем спать...

– Не спать! – Голос Сенцова прозвучал резко и даже чуть угрожающе.

Первым с усилием открыл глаза Раин. В ушах шумело. Отхлынувшая было кровь вновь прилиwała к мозгу, мысли прояснились. Сенцов чуть наклонился в сторону – вращающееся кресло повернулось вокруг оси, и он неожиданно для самого себя вывалился, повис на ремнях, неуклюже болтая ногами. Значит, понятие низа действительно существовало... Глаза его уперлись в дверь – на ней лежала та самая порхавшая по рубке тетрадка.

– Всем фиксировать кресла, не то выпадете! – спокойно приказал Сенцов.

– Тяжесть! – сказал Раин. – Это – гравитация... – И, внезапно перейдя на крик: – Откуда здесь такая тяжесть?!

Внезапно ракета снова дрогнула, стала медленно наклоняться, опуская нос – казалось, кто-то подталкивал космонавтов в спину, чтобы они вместе с креслами приняли нормальное – вертикальное положение. Никто не произнес ни слова – расставив локти, чтобы не швыряло в креслах, не мигая, космонавты смотрели на экраны, словно оттуда и должно было прийти что-то – спасение или гибель...

Сенцов поднял было руку, крикнул: «Держись!...» Калве подумалось – сейчас ракету швырнет куда-то в пропасть. Он хотел закрыть глаза, чтобы не видеть последней минуты. Но даже на это не осталось сил...

3

Ничего страшного не произошло: наклонившись, ракета остановилась – замерла под углом градусов в шестьдесят к уже явно осязаемой теперь горизонтали. Все медленно приходило в себя; Калве неудержимо зевал, Азаров потирал ушибленный локоть.

Сенцов расстегнул ремни (на которых висел, вывалившись из кресла), тяжело шлепнулся на косою пол, медленно съехал к стене и там осторожно поднялся на ноги.

– Где мы? – спросил Калве. – Это Марс?

– Нет, – медленно ответил Сенцов. – Это не Марс.

– Да, но гравитация! Откуда гравитация? – снова сердито закричал Раин. – Этого же не может быть! Я выводил на Деймос! Куда мы сели? Мы ведь не взлетим!

После длительной невесомости ему, как и остальным членам экипажа, казалось, что такой тяжести они не испытывали даже в тяжелейшие моменты ускорения. Только Сенцов, уже стоявший на ногах, мог, хотя и с трудом, оценить действительное напряжение поля тяготения.

– Сели... – проворчал Сенцов. Он вскарабкался к креслу, повернул его, уселся, облегченно вздохнул.

– Действительно, гравитация – больше земной, – безразличным голосом сказал Азаров.

– Это только нам кажется, – тотчас же возразил Коробов. – Одна пятая земной, – он кивнул в сторону гравиметра. – Мы просто привыкли к легкой жизни...

Калве вежливо улыбнулся, показывая, что тяжесть не лишила его способности оценить каламбур. Остальные хмуро промолчали.

– Легкая жизнь... – протянул Раин. – Отсюда – самочувствие... Но надо же установить причину? Командир!

– Здесь мы ее не установим, – мрачно и как будто бы даже нерешительно ответил Сенцов. – Придется выходить... Садился я на Деймос – это все, что могу пока сказать.

– Такое напряжение гравитации... – пробормотал Калве.

– Смейтесь, как хотите, – сказал Коробов, – но не искусственный ли это спутник?

Все действительно засмеялись. Искусственный спутник – это из аксессуаров фантастики, а здесь – явная реальность. Да и сам Коробов сказал это как бы в шутку, хотя глаза его при этом оставались серьезными и чувствовалось, что где-то в глубине души он готов поверить в свою версию.

– Стойте! – Азаров поднял руку. – Я понял! Деймос состоит не из обычного вещества. Нарушенные электронные оболочки, колоссальная плотность – вот где источник... Помните – звезда Ван Манена и все прочие...

– Помним... – буркнул Раин. – Вы думаете, если бы это было так, то не было бы замечено раньше? Тогда вращались бы вокруг общего центра тяжести системы... Я уж скорей допущу, что эта сверхплотная громада – вовсе и не Деймос. Она могла только что приблизиться к Марсу, ведь бывают всякие совпадения, и оказалась на орбите Деймоса... Хотя – это место Деймоса... Словом, не знаю.

– Что ж, – сказал Сенцов, – принимаем предположение Азарова как рабочую гипотезу. Конечно, не исключено, что найдется и другое решение. Но найдем мы его, вернее всего, уже на поверхности спутника, а вовсе не в рубке.

Раин пожал плечами, промолчал. Сенцов подвел итоги предположениям:

– Ну, сегодня переживаний, кажется – за весь полет сразу.

– Нет, мы просто спим и видим коллективный сон, – вставил Коробов.

Смех прозвучал чуть натянуто: в рубке все еще царил некоторая растерянность. Так, наверное, чувствуют себя потерпевшие кораблекрушение, выбравшись на твердую почву

необитаемого острова: и радуются, и в то же время понимают, что ничто хорошее их, по всей видимости, впереди не ждет...

Наконец Сенцов отдал распоряжение. Коробов поднялся, кивнул Азарову – оба ушли проверять рабочие помещения и двигатели, лазить по тесным закоулкам вокруг компрессоров и камеры сгорания... Калве присел на корточки перед вычислителем, начал осматривать его. Сенцов приказал выключить лишнее освещение и все локаторы.

– А если метеорит? – спросил Раин.

– А если... все равно, не имея хода, от него не спасешься, – ответил Сенцов.

Раин кивнул, словно совершенно успокоенный ответом, и стал переключать экраны на телеприемник заднего обзора. Они не оживали – очевидно, на корме были повреждения...

Коробов и Азаров вскоре вернулись, вытирая измазанные руки. Коротко доложили. При первом беглом осмотре все оказалось в порядке, прокрутить же компрессоры вхолостую они не решились: потребуются слишком большой расход электричества. Кое-где испортилось освещение, но это уже мелочь.

Внимательно изучавший приборы Сенцов выслушал все доклады. Кивнул, как будто бы даже равнодушно, потом повернулся к Раину:

– Сильное магнитное поле – странно... Так что – не только гравитация.

– Час от часу не легче, – развел руками Раин. – Надо выходить. Разумеется, не исключено, что спутник состоит из сверхплотных пород. Или...

– Или? – быстро спросил Сенцов.

– Ничего... – замялся Раин. – Нет, конечно, ничего... Просто явление пока необъяснимо. Так или иначе – открытие колоссального значения...

– А посадка? – спросил Сенцов. – Тоже – необъяснимо?

– Для гипотез – не время... Посадка? И ты всего лишь человек. Неточное движение...

Вот мы и провалились.

– В общем, – не утерпел Коробов, – тут некоторые жаловались на недостаток приключений... – Он подмигнул Сенцову, похлопал по плечу Раина. – Вот вам приключение – по первому разряду.

Азаров покосился на него, что-то проворчал. Больше никто не сказал ни слова – космонавты смотрели на командира.

Он молчал, как всем показалось, слишком долго...

Было ясно, что придется выйти из корабля, и на лице Азарова было написано такое откровенное желание поскорее выбраться наружу, что Сенцов пожалел его больше остальных, потому что знал – именно Азарову придется остаться. Выходить следовало более осторожным, да к тому же Азаров незаменим на связи.

Нельзя, по соображениям безопасности, выходить и Калве. Хозяин кибернетических устройств, возле них он и должен дежурить. Ожидать в ракете предстояло и Коробову – опытный пилот-космонавт, он в случае чего примет командование.

– Наружу выйдем я и Раин, – проговорил Сенцов. – Спутники – по его специальности, – добавил он, хотя мог ничего не объяснять. – Остальным – дежурить по аварийному расписанию. Исправить освещение, наладить быт, держать с нами связь и подготовить внеочередную фотографию на Землю. Может быть...

Наступившее молчание никак нельзя было счесть одобрительным.

– Не унывайте, – утешил Сенцов. – Успеете... Работать все будут, это могу гарантировать. Мы – только разведка...

Опять-таки он мог ничего не объяснять, но ему почему-то хотелось утешить ребят, оставить их успокоенными. «Как перед смертью», – сердито подумал он, шагнул вперед – непослушная нога тяжело грохнула об пол: тяготение... «Фантасмагория!» – пробормотал Сенцов.

Из стальных шкафов достали два скафандра. Сенцову и Раину помогли одеться. В скафандрах оба выглядели одинаково толстыми. Большие, прозрачные спереди шлемы сделали их существами, принадлежащими тому, наружному миру... Проверили кислород, систему регенерации. Сенцов подул в микрофон шлема, раздельно проговорил: «Раз, два, три, четыре...» То же сделал и Раин.

Потом они, прощально помахав руками, направились к двери. Калве и Коробов проводили разведчиков к выходу, в их глазах была тревога.

Стальная, в десять миллиметров дверь закрылась за уходящими. Прижимавшие ее рычаги, сверкнув голубоватым металлом, холодно лязгнув, упали на место. Прошла минута, и Коробов увидел, как стрелка манометра стремительно прыгнула вниз: гидравлика и давление воздуха в камере выжали прикипевшую к гнезду крышку входного люка.

Трое остались в ракете... Азаров сидел у рации и, судя по устремленному вдаль взгляду, по нахмуренному лбу, напряженно думал: что это за гравитация? Откуда? По временам он негромко спрашивал разведчиков: «Ну, как там? Как?» Калве снова стал возиться с вычислителем: сняв панели, доставал запасные контуры, проверял, вставлял в гнезда, снова проверял... Движения его были неторопливы, казалось даже – он чересчур мешкает. На самом же деле он работал быстро и точно, но без суеты. Коробов вышел в коридор – посмотреть, что стало с выведенной за борт хлорелловой ванной, о которой в суматохе все забыли. Из коридора можно было сквозь иллюминатор увидеть, что делается в этом прозрачном мирке, населенном микроскопическими водорослями. Они служили для возобновления кислорода, а в случае нужды и для питания. Правда, мало было надежды, что водоросли уцелели после облучения.

Азаров хмурился все больше. Со связью творилось что-то непонятное. Голоса Сенцова и Раина слышались глухо, словно космонавты успели отойти далеко от ракеты или же между ними и кораблем возникла какая-то экранирующая преграда.

Время от времени слышимость вообще пропадала, как будто над поверхностью спутника бушевала магнитная буря. Стрелки магнитометров судорожно дергались. Магнитная буря – на поверхности ничтожного камня, неприкаянно мотающегося в пустоте? А может быть, и не гравитация, и не магнитное поле, а что-то совсем другое?! Не все же мы знаем о полях... Опыт Азарова никак с этим согласиться не мог, но разум говорил: возможно, многое возможно, и неизвестно еще, что может случиться в следующую минуту... А приборы упрямо показывали свое. И еще Калве не давал покоя.

– Скажи Сенцову, пусть в первую очередь осмотрит солнечные батареи, – повторил Калве уже в третий раз. Азаров наконец понял, чего он хочет, кивнул. Действительно, без источников энергии им придется плохо.

Прибавив мощность, он начал вызывать в микрофон. Наконец голос Сенцова, как сквозь подушку, ответил: «Батареи? Да ладно – подожди ты там со своими батареями...» Азаров пожал плечами. Потом в наушниках забормотали что-то невнятное. Можно было разобрать, что это голос Раина. Потом Сенцов воскликнул: «Не может быть!»

Азаров торопливо переключил прием с телефонов на динамик – чтобы слышали все, и нетерпеливо закричал в микрофон: «Ну, что там? Да ну же, отвечайте!» Но голоса делались все неразборчивее... Вошедший из коридора Коробов остановился у двери – он услышал, как из динамика донеслось раинское: «Смотри, смотри...» На этом связь окончательно прервалась. Из динамика доносилось только густое фоновое гудение.

Азаров стремительно протянул руку – еще усилить ток, и в этот момент все трое почувствовали, как дрогнул и стал ускользать из-под ног покатый пол рубки...

4

В выходном отсеке Сенцов и Раин на миг задержались. Двигаться в скафандрах сначала показалось трудно. Раин почувствовал капли пота на лбу, а стереть их было нельзя, хотя астроном и попробовал дотянуться лбом до верхней, непрозрачной части шлема. Однако очень быстро чувство неловкости исчезло.

Они постояли минуту-другую, пока вокруг бушевало ультрафиолетовое излучение. Такой душ полагалось принимать всякий раз при выходе и входе, чтобы не вынести и не занести в ракету ни одного микроба.

Затем Сенцов отодвинул один за другим два предохранителя. Вопросительно посмотрел на Раина. Тот кивнул. И тогда Сенцов ладонью нажал красную большую пуговицу на щитке.

Какое-то мгновение казалось, что люк вообще не откроется; потом он со вздохом уступил. Последнее, что они слышали через выведенные на внешнюю сторону шлемов микрофоны, был короткий свист рванувшегося из отсека воздуха. Затем наступила странная, невесомая тишина. Еле слышные шумы в наушниках раций заставляли морщиться, словно от грохота поезда.

Люк оказался почти над головой, однако здесь это не играло роли. Чуть присев и резко оттолкнувшись ногами, Сенцов высоко подскочил. Потом сел, придерживаясь за борт. За ним таким же образом последовал Раин и тоже задержался на краю люка.

Секунд десять они сидели так, оглядываясь, но после яркого света в ракете разобрать что-либо вокруг было трудно: Марс прятался где-то за близким горизонтом... Да ничего и не хотелось разбирать – настолько величественной была открывшаяся им картина Вселенной.

Такою они видели ее впервые. Это было не звездное небо Земли. Здесь Вселенная обнимала их со всех сторон, если не считать ничтожного клочка тверди под ногами, а на Земле половину поля зрения всегда отнимала сама Земля. Сейчас они были в центре Вселенной; медленно, едва уловимо, она вращалась вокруг них, поражая обилием звезд, которые в своей обсерватории на Земле Раин мог наблюдать только в телескопы. Тут не было рассеивавшей свет атмосферы, звезды стали видны простым глазом, и это оказалось совсем иным зрелищем, потому что – велико ли поле зрения даже широкоугольного телескопа? За кажущейся неподвижностью светил угадывалось стремительное движение. Далекие галактики пламенели, как застывшие взрывы. Воистину на острове посредине безбрежного океана стояли космонавты, впервые почувствовавшие – что такое Пространство вне Земли, вне замкнутого мирка ракеты... Протянутая рука здесь простиралась во Вселенную, не встречая никаких преград.

Раин вздохнул глубоко, дрожь пробежала по телу, заторопилось сердце, глаза слепило от этой красоты, и астроном еще раз порадовался в душе тому, что изо всех возможных дорог он избрал в жизни этот звездный путь.

Но Сенцов тронул его за плечо. Смерив глазами расстояние – спрыгнул; медленно, как падают во сне, он опустился на поверхность Деймоса. Раин последовал за ним, чуть выждав – чтобы не обогнать Сенцова и дать ему возможность первым, как и подобало капитану, войти в неведомый мир.

Они стояли не двигаясь, пока глаза не привыкли к темноте. Потом Раин нагнулся, присел на корточки.

– Ну, если это вещество с нарушенными оболочками, то мы, конечно, ни кусочка не отобьем...

Из зажима на поясе он достал так называемый универсальный инструмент. Но электрическое долото оказалось бессильным: сверхтвердый сплав долота даже не поцарапал темной поверхности планеты.

Раин пожал плечами, задумчиво убрал инструмент. Он провел перчаткой по тому месту шлема, которое закрывало лоб, и сказал, почему-то перейдя на «вы» – так бывало с ним в минуты размышлений:

– Странно... Допустим, оболочки. Но вы обратили внимание – грунт, я бы сказал, гладкий и, по всему судя, с большой отражательной способностью. С точки зрения минералогии, это – нонсенс... Даже лед – ну, лед, пожалуй... Но эта твердость, а?!

Но Сенцов его не слушал. Он отошел на несколько шагов, ступая осторожно, словно по горячим камням. Отсюда лучше было видно место, где опустилась ракета – та скала, на которой корабль лежал.

– И все-таки эта посадка... – сказал Сенцов. – Ума не приложу. Ведь не первый же день, в конце концов, я за пультом! Дело даже не в гравитации! Мы бы ее обнаружили и учли заблаговременно... если бы она была. Но не было ее! И вдруг – появилась. Пытаюсь вспомнить – нет, ни у кого не было ничего подобного, и никакая теория таких случаев не предсказывает. А факт налицо. А факты, как известно, дают начало новым теориям...

Раин начал гудеть что-то себе под нос. Потом, подойдя к Сенцову, сказал:

– Да, как это вам удалось посадить корабль на вершину такой скалы – не понимаю... Это даже не искусство, это что-то сверхъестественное. И смотрите, как ракета легла на склон – хоть сейчас взлетай... Страшно удачно, страшно...

– Космонавт – не джентльмен удачи... – проворчал Сенцов. И, помолчав, добавил: – А вообще-то любопытно... На Земле это приняли бы за результат выветривания...

Но, так или иначе, ветра здесь быть, конечно, не могло. Разве что солнечный ветер, но он не смог бы так обработать поверхность планеты, чтобы придать скале форму эстакады, устремленной вверх под углом градусов в шестьдесят. И Раин судорожно схватил Сенцова за руку – перчатка скользнула по твердому пластику скафандра: он понял, что это не могло быть простым капризом природы.

Наверное, и Сенцов почувствовал то же самое. Он торопливо повернул выключатель: вспыхнул голубоватым светом укрепленный на шлеме небольшой, но сильный прожектор. От него не протянулось привычного светового луча – здесь не было ни воздуха, ни пыли, и лишь где-то вдалеке, в пустоте, блеснула серебром крохотная пылинка – исчезающе малый, но самостоятельный мир.

В свете прожектора Сенцов увидел поднимающиеся из-за близкого горизонта вершины еще двух таких же странных ажурных вышек. И наклон у них был одинаков – у всех в одну и ту же сторону...

Сенцов, экономя энергию, выключил прожектор. И сейчас же Раин, приподнимаясь на цыпочки, словно для того, чтобы высокий Сенцов лучше услышал его шепот (хотя разговор велся по радио), пробормотал:

– Это же... Ты понимаешь? Это же...

Оба опустились на колени и принялись внимательно рассматривать поверхность под ногами. На этот раз включил прожектор Раин. Оба тотчас же зажмурились, глаза их наполнились слезами: прожектор, казалось, отражался в зеркале и бил прямо в лицо...

– Действительно, альbedo² – примерно ноль семь, – сказал Сенцов. – И поверхность чистая, нет никакой пыли. Значит – защита? Наведенное поле? А выводы?

Раин, не отвечая, поднялся с колен, движения его были торжественны. Он выключил прожектор – сразу все вокруг утонуло в непроглядном мраке – и откашлялся, словно на кафедре перед лекцией. Слишком велико, слишком необозримо по значению и последствиям было то, что раскрылось перед ними. Но в этот самый момент Сенцов сердито сказал:

² Альbedo – число, характеризующее отражательную способность поверхности тела.

– Вот и слушай вас всех после этого... А наговорили, а наговорили – боже ты мой... Нарушенные оболочки! Это – искусственное сооружение, вот в чем дело. Коробов угадал. Очень просто.

Раин не стал напоминать, что он-то ничего подобного не говорил. Он просто протянул Сенцову руку, и перчатки скафандров сомкнулись в рукопожатии. Не отпуская руки астронома, Сенцов сказал – по голосу чувствовалось, что он улыбается:

– Вот так-то... Теперь начинает проясняться и история с нашей посадкой. Раз спутник искусственный, значит...

– Значит, на нем есть хозяева! – сказал Раин, счастливо блестя повлажневшими глазами. – Они увидели нас, посадили... Встреча с иным разумом, ты понимаешь? И с каким! Искусственная гравитация! Подумать только, мы могли пройти в каких-нибудь семи тысячах километрах и ничего этого не узнать! А еще говорят, что не бывает такого счастья...

Они были счастливы в этот момент. В самом деле, как иначе назвать встречу с разумом, обитавшим, как оказалось, совсем по соседству с их родиной? По расчетам, события этого следовало ждать еще поколениям, – а их, оказывается, отделяли от него лишь часы или даже минуты...

Не разнимая рук и не сознавая даже, что они делают, оба торопливо заскользили вперед по гладкой поверхности... Это был чисто инстинктивный порыв, в котором не участвовал разум, а подталкивало вперед лишь подсознательное желание – скорей, как можно скорей встретить творцов и создателей этой искусственной планеты. Они стремились вперед, и только необходимость соизмерять движения с небольшой силой тяжести сдерживала неумное желание побежать во весь дух.

Так они продвинулись метров на пятьсот, и возвышение, на котором лежала ракета, стало уже отодвигаться к горизонту. Тогда Сенцов внезапно остановился.

– Постой... – сказал он. – Куда это мы вдруг помчались?

– Как это – куда? – изумленно спросил Раин, тоже останавливаясь.

– Да, действительно – помчались... – весело проговорил он. Сенцов нахмурился, сердито засопел. Ему стало стыдно за такое легкомыслие – побежали, как мальчишки...

Тут к ним из наушников и донесся голос Азарова, напоминавший о батареях. Сенцов рассердился еще больше: сколько минут потеряно на какую-то беготню! Разведчики, называется... Разве так ищут?

Оба быстро пошли назад, к ракете.

Стараясь не отстать от Сенцова, Раин размышлял о том, как получше включить в обследование спутника весь экипаж. Ну, одного Сенцов, конечно, оставит на дежурстве, но остальные-то могут выйти из корабля? Раз спутник искусственный, значит, встреча с его хозяевами состоится. Чем больше людей выйдет за пределы ракеты, тем больше шансов скорее отыскать если не самих хозяев, то хотя бы ведущий к ним ход – если они по какой-то причине сами не хотят выйти из внутренних помещений. Срочно надо продумать способы переговоров, передачи хотя бы основных понятий, установления какого-то общего языка. Возвратиться на Землю надо не с пустыми руками, а с грузом тех знаний, которые космонавты смогут почерпнуть у хозяев иного мира. О, они превосходят людей Земли по уровню технических знаний. И как превосходят... Ведь на Земле еще не умеют монтировать в пространстве такие гигантские спутники. Разобраться во всем было просто необходимо, например – узнать, почему такие близкие соседи до сих пор не навестили Землю. И тут Раин поймал себя на мысли: «А неплохо, все-таки, было бы здесь задержаться подольше...» И даже восторженно помотал головой, подумав о том, какую бурю поднимет их открытие среди ученых всего мира – да только ли среди ученых!

Внезапно Сенцов хлопнул его по плечу.

– Ты что – уснул, что ли?

– А? Нет, я слушаю, как же. Я вполне согласен...

Сенцов усмехнулся, начал терпеливо повторять:

– Если встречаться, так уж корабль надо подготовить как следует, чтобы тут, перед ними, не выглядеть потерпевшими крушение. Сначала осмотрим корму. Ее, наверное, здорово порастрясло. Конечно, может быть и не стоило в последний момент включать рули... – последнее замечание далось Сенцову не очень легко. – Потом – солнечные батареи. И в зависимости от результатов составим план работ. Торопиться надо – они могут выйти к нам в любой момент... Кстати, наших очень плохо слышно... Быстренько осмотрим – и к ним, распределим обязанности...

Они подошли к корме и снова поразились геометрическим формам сооружения, на которое опирался корабль. Это был не металл, а скорее какая-то пластмасса или даже керамика. Поверхность планеты поблескивала у них под ногами, кое-где в ней отражались звезды.

Однако изучать ее сейчас было некогда. Сенцова все больше беспокоили частые перемены связи с ракетой, хотя они стояли совсем рядом с ней – только на несколько метров ниже.

– Быстрее, быстрее, – повторил он.

Корма корабля нависала над ними, упираясь амортизаторами в покатый выступ странной эстакады – никак иначе нельзя было назвать это сооружение. Один из амортизаторов, кажется, был основательно покалечен. Но это не важно – все равно ведь основную ступень ракеты придется отбросить, оставить здесь.

– Как взобраться-то? – вслух подумал Сенцов.

– Марсиане... – пробормотал Раин. – Вы подумайте...

– Что? Где? Видишь их?

– Нет... Понимаешь – марсиане! Какой размах! Какая техника! Какие же они? Ты пробовал представить?

– Пробовал... – признался Сенцов. – Ты знаешь, по-моему, очень просто. Я думаю, они... – И вдруг, вскрикнув, схватил товарища за плечо: – Смотри, смотри!..

Гладкая поверхность внезапно заколебалась под ногами. Ракета дрогнула и медленно, кормой вперед, заскользила по эстакаде, как бы погружаясь в тот самый выступ, на который только что опиралась. В луче прожектора тускло блеснул металлический борт корабля... Еще мгновение – и ракета исчезла, провалилась куда-то внутрь планетки. Эстакада была пуста...

5

Когда ракета тронулась с места и равномерно заскользила вниз, Калве показалось, что он галлюцинирует – таким неожиданным и неправдоподобным было это необъяснимое движение. Коробов от изумления уселся на пол возле двери, поднял, словно прислушиваясь, голову, медленно проговорил:

– Метров двенадцать в секунду...

Калве включил экраны. Но за ними зияла тьма, а задний экран, на котором только и можно было бы что-то увидеть, по-прежнему не оживал...

Ракета скользила бесконечно долго – казалось, проваливалась к самому центру спутника. Однако это не было падением: скорость не возрастала, похоже было, что их опускал какой-то механизм...

Движение неожиданно прекратилось. Но не успел сидевший у рации Азаров попытаться встать на ноги, как непонятное скольжение началось снова. Коробов смотрел на циферблат хронометра; секундная стрелка совершала редкие порывистые скачки от деления к делению, словно каждый раз ей приходилось подолгу собираться с силами. «Как в агонии...» – подумал Коробов, и в этот миг ракета остановилась окончательно.

– Семнадцать секунд... – ровным голосом сказал Коробов и на какую-то долю мгновения пожалел, что спуск закончился. Теперь надо было принимать решение, а Сенцова не было рядом...

– Зачем это они? – прошептал Калве растерянно.

– Кто? – спросил Коробов и тут же понял его мысль. – Ты думаешь?..

И вдруг вытянул руку, призывая к тишине.

Все прислушались. Было явственно слышно, как кто-то постукивает, скребется, трется о металлическую броню корабля. Впечатление было такое – и всем сразу припомнилось это – будто вдоль ракеты ходит осмотрщик, постукивает молотком по оболочке, как по вагонным колесам, и что-то деловито бормочет.

Одновременно экраны начали светлеть – словно за бортом ракеты занималась слабая заря... В ее свете стали смутно видны какие-то вогнутые поверхности, непонятные аппараты, приборы... Мимо одного из экранов промелькнула округлая тень, и сейчас же шорохи слышались со стороны левого борта. Азаров с шумом выдохнул воздух.

Но Коробов уже полностью овладел собой. Обстановка требовала быстрых и решительных действий, и он готов был действовать быстро и решительно.

– Внимание! – сказал он, быть может, чуточку громче, чем следовало. – Искусственный спутник... Этим объясняется все. Сейчас мы встретимся с ними. Как понимаете, церемониал таких встреч пока еще не разработан, но в общих чертах задача ясна: достойно представить свою планету... В любом случае мы немедленно принимаем меры к розыску оставшихся на поверхности товарищей – если их еще не доставили сюда. Понимаете, как бы эти... – он на миг запнулся, – местное население, как бы они там ни выглядели – встречаемся мы с друзьями: у них не может быть никаких причин враждебно отнестись к разумным жителям иной планеты. Встречать их будем у люка... Слышите? Опять стучатся... Ну ничего, ничего, – утешил он тех, невидимых, – сейчас оденемся...

– Одному надо остаться в ракете, – уточнил Калве и сделал шаг по направлению к шкафу со скафандрами.

– Я пойду, Игнатъич! – сказал Азаров. – Хоть теперь-то...

– Нет, – ответил Коробов. – Минуточку! – оборвал он собравшегося что-то возразить Азарова. – Для дискуссий будет отведено специальное время... впоследствии. Пока твоя задача

– наладить связь с нашими и не терять связи с нами – если мы будем вынуждены выйти из ракеты.

Азаров замотал головой, но покорно отошел к рации.

Коробов оглядел рубку, сложил стопочкой на откидном столике рабочие тетради, рукавом смахнул с матово блестящего пульта какую-то пылинку, еще раз окинул все критическим взглядом.

– Ну, пошли...

Они быстро надели скафандры, проверили кислород, связь. Калве спросил Коробова:

– У них зарядка обычная?

– Полтора часа дыхания, шесть часов энергии при полном расходе без прожектора...

Надо захватить по запасному баллону – на всякий случай...

– Я возьму аптечку, – сказал Калве. – Тоже... на всякий случай.

Коробов кивнул, вздохнул и чертыхнулся. Потом сказал:

– Ну, поехали. Они уже пятнадцать минут как вышли из ракеты...

Люк открывался медленно... Наконец над их головами засветился, замерцал серым рассеянным светом выход. Они не услышали свиста, с каким воздух из тамбура должен был стремительно вырваться в пустоту.

– Какая-то атмосфера здесь, значит, есть... – сказал Коробов. – Ну да оно и понятно: раз есть живые...

Ни одним словом сверх этого он не почтил чужой, загадочный, сказочный мир – сказочный хотя бы потому, что еще час тому назад никто не поверил бы в самое его существование. Калве понимал Коробова, однако ему захотелось задержаться, попытаться хотя бы сформулировать мысленно – с чего же начать знакомство...

Он неотрывно глядел на отверстие люка, откуда должны были показаться хозяева спутника. Они медлили: прошла минута, вторая, третья, а ни одно живое существо так и не появилось. Коробов усмехнулся, сказал:

– Да, смельчаками их не назовешь... Ну что же – покажем пример...

Он вылез наружу, огляделся.

Ракета наклонно лежала на длинной, чуть вогнутой платформе, один край ее – с той стороны, где находился люк, – они могли рассмотреть во всех подробностях. Двумя уцелевшими кормовыми амортизаторами ракета, очевидно, во что-то упиралась. Стучавшие в оболочку куда-то скрылись – никого не было видно, но Калве, вскарабкавшемуся вслед за пилотом, все время казалось, что он чувствует чей-то пристальный, неотступный, тяжелый взгляд.

– Что же, прыгнем? – спросил Коробов. – Невысоко, метра три до пола...

– А обратно?

– Обратно – нас будет четверо, справимся, посадим друг друга, – сказал Коробов так уверенно, как будто не впервые приходилось ему разыскивать друзей на чужих искусственных спутниках.

Осторожно, придерживаясь за люк, они соскочили на платформу. Подойдя к самому ее краю и еще раз оглядевшись в надежде увидеть хоть одно живое существо, спрыгнули на пол. Легко ступая, отошли от ракеты на несколько шагов. Калве глянул на часы, потом – на абсолютный термометр.

– Двести семьдесят восемь – значит, пять по Цельсию... Давление – триста.

– Что ж, приемлемо, пока мы в скафандрах, – спокойно откликнулся Коробов. – Но куда же мы, в конце концов, попали? Где гостеприимное население? Где оркестр, цветы?

Они находились в большом, похожем на ангар зале. Внешняя, широкая стена его – в которую упиралась эстакада с лежавшей на ней ракетой – была чуть выгнута наружу, противоположная, узкая, казалась выпуклой, словно обе были дугами концентрических окружностей.

Плавно, без углов стены переходили в высокий потолок. Оттуда, сверху и исходило непонятное светлое мерцание.

Межпланетный корабль занимал чуть больше половины платформы, хотя он и достигал шестидесяти метров в длину. Платформа покоилась на ажурном переплете. Его образовывали странно выгнутые, сложно переплетавшиеся, переходившие одна в другую круглые балки. Верхний конец платформы разглядеть в этом сером, мглистом свете было трудно – он как бы терялся в тумане.

Вдоль стен огромного – примерно сто двадцать метров в длину – зала, который эстакада с ракетой делила точно пополам, возвышались какие-то машины или приборы неизвестного назначения; форма их была, видно, хорошо продумана, точно выверена, хотя и казалась непривычной для земного глаза: много острых углов, вогнутых поверхностей, нависающих, выдающихся плоскостей. Но все они создавали впечатление стройной системы, объединенной общим замыслом и стилем. Коробов привык по внешнему виду машин судить об уровне техники. Судя по всему, здесь этот уровень был достаточно высок.

Отовсюду дружелюбно – или это так казалось? – подмигивали разноцветные огоньки. Вдоль стен тянулись трубы и кабели со множеством ответвлений, вентилях, патрубков, непонятных грибообразных отростков, голубых блестящих наконечников, экранов с нервно пульсирующими огоньками... Разреженная атмосфера доносила легкий гул. Но никого не было видно, никто так и не захотел показаться людям. Очевидно, хозяева предпочитали наблюдать за гостями откуда-нибудь из укрытия.

– А проводочка у них наружная, – сказал Коробов. – У нас такого безобразия бы не допустили...

Калве кивнул. Он не удивился замечанию Коробова: и у него самого было такое впечатление, словно это не на другой планете находились они, а просто на каком-то вполне земном заводе, хотя и неизвестного назначения. Здесь ничто не тяготило чем-то таинственным, потусторонним, – наоборот, хотя многое для них и оставалось пока непонятным, но в общем все было схоже с тем, что они оставили на Земле. Хотя бы вон та машина, определенно напоминавшая формой автомобиль, только почему-то перевернутый вверх колесами. Конечно, это был вовсе не автомобиль, но воспринимался именно как чисто земная вещь... Над этим стоило поразмыслить, но для размышления сейчас не было времени.

– Анализ бы атмосферы сделать... – проговорил с досадой Коробов. – Были бы приборы...

Калве вздохнул, вспомнив о земных лабораториях, об «умной» тишине вычислительного центра, в которой было так приятно думать... Но Коробов уже зашагал по залу.

– Ну, раз хозяева не показываются, мы их ждать не станем... Надо самим искать ход на поверхность: наших здесь, судя по всему, еще нет, значит, они остались наверху. Один ход наверняка есть – там, где прошла ракета.

– Но нам его не откроют, – возразил Калве.

– Может, и открыли бы, если бы им объяснить, – с досадой сказал Коробов. – Да объяснить-то некому, вот беда...

– Поищем другой, – сказал Калве. – Мне кажется... по-моему, в том конце зала – видишь, не по оси эстакады, а правее – какая-то ниша в стене...

Оба торопливо пересекли зал. Действительно, это было похоже на выход. Только как его открыть, оставалось совершенно непонятным. На двери – вернее, на пластине, перегораживавшей нишу, – не было ни намека на рукоятку или хотя бы на замочную скважину.

– Да, эти самые местные жители... – сердито начал Коробов, но Калве прервал его:

– Вот они!

6

В длинном коридоре тусклым сероватым светом горели лампы. Их покрывал слой пыли. Они сами зажигались перед идущими и гасли, оставшись позади.

Почему-то Раину пришли на память монументальные пирамиды фараонов с их скрытыми потайными переходами. Там так же, наверное, стены давили археологов таинственной неизвестностью. Но это ведь на Земле, а тут...

Они шли торопливо, внимательно оглядываясь по сторонам. Было пройдено около сотни метров, а коридор все не кончался, по-прежнему уводил их все дальше – прямой, без единой двери, без единой детали, которая нарушала бы однообразие. Казалось, он шел совершенно горизонтально, хотя в этом необычном мире вряд ли можно было целиком доверять своим ощущениям. Лампочки индикаторов радиоактивности слабо тлели в шлемах скафандров, напоминая о постоянном небольшом излучении.

Полчаса тому назад, на поверхности, когда лежавшая, казалось, неизбежно ракета вдруг скользнула вниз и так непонятно исчезла, оставив их одних в пустоте, им подумалось, что все кончено. И в самом деле – не пробиваться же сквозь материал, который сталь даже не царапала!

Несколько секунд они сидели молча, мысленно прощаясь со всем, что было дорого в жизни. Раин подумал, что если бы не Сенцов рядом (слышно было, как он яростно, шепотом, выругался), то от такого полного, абсолютного одиночества посреди Вселенной, в пору было завывать, глядя на звезды.

Но как-то сразу, одновременно оба обнаружили, что умирать они все же не собираются. Тогда Раин сердито сказал:

– Послушайте, а почему, собственно, мы здесь сидим? Разве нас ничто больше не интересует? Природа тяготения? Материал? Механизмы? Жизнь, наконец? О чем вы столь целеустремленно мыслите? Работать надо, коллега!

– О чем мыслю? – переспросил Сенцов задумчиво. – Да как вам сказать. О том, что космонавты – это люди, которые побеждают космос на кораблях, а если придется – то и без кораблей. Как это там сказано у поэта? «Он задаст им овса, он им скажет веселое «Тпру!» Скажем им веселое «Тпру»...

- Кому? – вежливо поинтересовался Раин.
- В данном случае – спутникам.
- Начнем с этого, друг, – предложил астроном.
- Начали! – И Сенцов поднялся на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.